

Елена ЗЕЙФЕРТ

*Елена Зейферт родилась в 1973 году в Караганде (Казахстан). С 2008 года живёт в Москве. Профессор Российского государственного гуманитарного университета, доктор филологических наук. Автор шести книг стихов, русско-немецкой книги-бilingвы «*Namen der Bäume / Имена деревьев*», сборника стихов и прозы «*Малый изборник*», книги прозы «*Сизиф & К°*», книги критики «*Ловец смыслов, или Культурные слои*» и др. Публиковалась в журналах НЛО, «*Знамя*», «*Октябрь*», «*Дружба народов*», «*Литературная учёба*», «*Новая Юность*», «*Урал*», «*Нева*», «*Крещатик*» и др. Предыдущая публикация в «*Волге*» – «*Плавильная лодочка. Карагандинская повесть*» (2018, № 9-10). За статью о графомании, публикуемую в этом номере, Елена Зейферт 15 мая 2019 стала лауреатом I степени конкурса на соискание литературной премии «*Эхо*» Союза российских писателей за критику и эссе (Вологда, 2019).*

О ПРИРОДЕ ГРАФОМАНИИ, или СЛУЧАЙНЫЙ МАЛЬЧИК СВИСТОНОВ

В каком значении я использую слово «графоман»? Это человек, отличающийся болезненной страстью к сочинительству произведений, но не имеющий к этому способностей и производящий слабую вторичную продукцию, которой он ищет «достойное» место и признание в профессиональном сообществе. Он ждёт высокого признания – вот это сверхважно. Любой человек имеет право писать в стол, для себя, трезво оценивая качество написанного. Любительское творчество (стихи, рисунки, танцы) имеет терапевтический эффект, приносит творящему радость. Но оно не обращено к широкому ценителю, «до востребования», а остаётся в узком, чаще домашнем кругу или публикуется на сайтах самиздата типа Стихи.ру или Проза.ру.

В своей статье я не употребляю слово «графомания» в значении психической болезни, оставляя это русло исследования профессионалам в области психологии и психиатрии. Предлагаю наряду со словом «графоман» применять понятия «эпигон», «минус-величина», а само слово «графоман» в моей статье считать условным обозначением. Моя работа не направлена против отдельных людей, более того, она вообще направлена не против, а за – за качество произведений.

Говоря о графомане как о литературной минус-величине, важно рассуждать не столько о его «произведениях» (хороший критик «творчества» конкретного графомана просто избегает, оставляя его в презрительном молчании), сколько о его поведении. Ибо вне деятельности эпигона его изделия уже не бытуют (впрочем, иногда у графоманов появляются поклонники, не отличающие подлинных вещей от неживых и служащие графоманам после их ухода). Юрий Лотман писал о поведении декабристов, о том, как узнаваемо они вели себя в салонах. Вот и графоман узнаваем по своему поведению.

«Энергичный графоман» не оксюморон, а масло масляное. Ведь он «случайный мальчик» из стихотворения Евгения Евтушенко. Для объяснения достаточно стихотворения автора с прямым месседжем:

*При каждом деле есть случайный мальчик.
Таким судьба таланта не дала,
и к ним с крутой неласковостью мачех*

относятся любимые дела.

*Они переживают это остро,
годами бьются за свои права,
но, как и прежде, выглядят невзросло
предательски румяные слова.*

*У них за все усердная тревога.
Они живут, сомнений не тая,
и, пасынки, они молчать не могут,
когда молчат о чем-то сыновья.*

*Им чужды те, кто лишь покою рады,
кто от себя же убежать не прочь.
Они всей кожей чувствуют, что надо,
но не умеют этому помочь.*

*Когда порою, без толку стараясь,
всё дело бесталанностью губя,
идет на бой за правду бесталанность,
талантливость, мне стыдно за тебя.*

В помощь мне и дар Константина Вагинова, его «Труды и дни Свистонова»:

«Ему захотелось писать. Он взял книгу и стал читать. Свистонов творил не планомерно, не вдруг перед ним появлялся образ мира, не вдруг всё становилось ясно, и не тогда он писал. Напротив, все его вещи возникали из безобразных заметок на полях книг, из украденных сравнений, из умело переписанных страниц, из подслушанных разговоров, из повернутых сплетен.

Свистонов лежал в постели и читал, т. е. писал, так как для него это было одно и то же. Он отмечал красным карандашом абзац, чёрным – в переделанном виде заносил в свою рукопись, он не заботился о смысле целого и связности всего. Связность и смысл появятся потом».

Обозначу важнейшие отличия графомана от одарённого человека (я веду речь о тенденциях, а не о жёстких правилах):

– Графоман в своём «творчестве» питается извне, а одарённый человек изнутри себя, причём его возможности неисчерпаемы. Эпигон способен писать только после «начиток», напитавшись строчками других авторов. Его внутренний ландшафт гол. Он может обложиться и книгами других авторов, и словарями иностранных слов, высекая искры оттуда. Одарённый человек тоже обращается к внешним источникам, но в отличие от графомана пропускает их через себя в акте духовного присвоения. «Чужое слово» (М.Бахтин) не монтируется в ткань произведения, а растёт вместе с ней, являясь её живой частью. У графомана цитата – зола, у одарённого писателя – новое деревце, новая кровеносная система. Заимствования у эпигона варьируются от дурных цитаций до плагиата.

Помню, была расстроена рассказом одного пришедшего ко мне в литературную мастерскую, но немолодого уже литератора-любителя о том, что он пишет, только «начитавшись произведений других авторов». «Мандельштамом я уже насытился, пройденный этап». Другой пример – поэтесса, которая после посещения вечера переводов неделю интенсивно и неважно переводит, после школы сонета – пишет искусственные сонеты, жадно примеряет на себя, как пальто, всевозможные стили, формы, приёмы.

Здесь возможны две параллели: предмет быта и предмет искусства, первый старится и кормится с чужих рук, другой – не стареет и насыщен внутренними истоками, или вторая параллель: кукла и вещь (вещь в философском понимании).

– Графоман очень активен, сверхактивен, он посещает много мероприятий, везде стремится читать свои «вещи». Он «горит душой» за «общее дело». Он не энергичный, заряженный духовностью, но энергичный, активный. Его лицо легко найти на фоторепортажах многих и многих литературных мероприятий, порой за вечер он обходит несколько таких презентаций.

– Одарённый человек, если может, не пишет, графоман пишет всегда.

– Графоман не самокритичен, он уверен в своём голосе и своём даровании. «Критики будущего поймут меня», «у известных художников есть “карманные критики”, а я просто не озаботился их приобретением». Одарённый человек сомневается в своих силах, он всегда на пути к совершенству. Здесь напрашивается другая параллель: сумасшедший, который считает себя здоровым, и нормальный человек, который сомневается в своём здоровье. Из-за отсутствия самокритики графоман не способен создать целиком состоявшееся произведение и убивает даже случайные удачные строки в нём нагромождением неживых конструкций. Художественное произведение настолько талантливо, насколько при его создании у одарённого автора был включён механизм самокритики. Графоман – это сломанный механизм самокритики, он допускает в свои стихи и средние, и откровенно плохие строки, они видятся ему достойными. Минус-величина очень стремится заседать в жюри, учить, проводить мастер-классы – здесь его хлебом не корми, а дай принять участие в «важном», побыть ментором, маэстро.

– В «произведениях» графомана нет гармонии, в то время как в произведениях одарённого человека, как в живом организме, всё взаимосвязано благодаря гармонии. Подлинное произведение целостно, все его уровни и элементы пронизывают друг друга, метафора в нём, к примеру, внутренний скульптор всего произведения, а не вишенка на торте.

– Графоман «творит» без важного дословесного этапа, ибо он не выращивает произведение, а стругает его, как изделие.

– Графоман очень социален, контактен. Он любителю писать произведения на заказ – поздравительные стихи, стихи к датам. После мимолётного знакомства он непременно найдет вас в интернете и зафрендит, если сочтёт, что вы можете быть ему полезны в литературных делах. Возможно, посвятит вам стихи.

– «Произведения» графомана нередко отличаются избыточностью, многословием, его несёт, он не может остановиться. Послесловесное в его «вещах» почти всегда авторское, а не читательское, как в бережных подлинных произведениях.

– Графоман нередко создаёт «вещи», при восприятии которых возникает нежелательный, не заложенный автором комический эффект. Серьёзное стихотворение у графомана похоже, положим, на пародию, а возвышенное – на оскорбительное. Это происходит от стилевой глухоты эпигона.

– Графоман зачастую носитель пафоса, от которого мурашки по коже.

– Графоман считает любую критику в свой адрес травлей, подлинный автор ищет в критике конструктивные моменты и отвергает её, только не найдя их.

– Если одарённому человеку достаточно поставить подпись, состоящую из его литературного имени, то графоман стремится обрасти регалиями и выпячивать их. Он – литературный критик, он – поэт, – он – член всевозможных, чаще сомнительных сообществ.

Перечень отличий можно продолжить. Ещё раз оговорю, что это тенденции, а не правила. Не исключено, что и будущий великий писатель на определённом, ученическом этапе был склонен к графомании. Главное успешно преодолеть этот этап.

«Едино литературное поле или оно разделено на сегменты?» – нередко спрашивают меня студенты. Оно – иерархично. Внутри литературы есть вершинные и массовые авторы, писатели средней руки и минус-имена. Иерархия литературы аксиоматична, и критерий её – дар автора, помноженный на мастерство. Что за критерий такой, скажете вы, он почти неуловим. Кто должен или имеет право оценивать это качество? Читатель и критик как искушённый читатель. И главный судья – время. Без времени не разобраться.

В Москве я живу десять лет и всё время озираюсь и надеюсь на то, что критики совместными усилиями, метафорически говоря, начертят объёмную иерархичную литературную карту. Там можно будет чётко увидеть, кто из крупных авторов незаслуженно обделён вниманием, а кто, находясь в литературной тусовке, по качеству произведений должен обитать и вовсе за пределами искусства. Понятно, что такая карта была бы субъективна, и этих карт было бы столько, сколько её авторов. Но можно было бы сопоставлять созданные критиками ландшафты, рефлексировать, предполагать, спорить. Увы, современная критика зачастую не помнит своей греческой этимологии (критика – «суждение»), вынося навыки яростного русского «охуднения» в фейсбучные баталии. Многие рецензии вовсе не содержат критических замечаний, порой встречается неприятный литературный бартер, когда авторы откровенно пишут рецензии, причём одну за другой, на книги друг друга. Многие боятся всеобщей оценки литературы как ядерной войны (ой, а кто я такой, чтобы судить? ой, а где окажусь я сам?) и сохраняют независимое достоинство – «я не я, и лошадь не моя». Год назад, когда я впервые подняла в прессе вопрос графомании в литературной среде, пики на меня направлены не были, но несколько критикесс провели со мной душевительные беседы о том, как грешно обижать бедненьких графоманов, их и так Бог обидел. Я, кстати, незамедлительно поинтересовалась в церкви у своего исповедника, грех это или нет, и он ответил, что как раз поощрять в человеке дар, которого у него нет, – это и есть настоящий грех лжи и раздувания чужой гордыни. Полагаюсь здесь и на мнение ушедшего Кирилла Ковальджи, человека редкостной душевной красоты и доброты. В марте 2017 года на панихиде по нему выступающие говорили и о том, как он строго относился к слабым, «не оплаченным» талантам стихам. Кирилл Владимирович был безупречно добрым и интеллигентнейшим человеком, но никогда не поощрял пустые строки. Важно быть добрым, а не добреньким. Мы обязательно возмутимся плохим таксистом, неумелым врачом, бездарным поваром. Сколько выпустим пара! А за литературных непрофессионалов всегда найдутся желающие вступить. Я хочу читать хорошие книги, лечиться у хороших врачей и есть вкусно приготовленную здоровую пищу. Это странно?

Если нас так страшит днище пирамиды и выросший под ней грибок, то можно усиленно освещать её вершину, чтобы современники, вырастившие гармоничные, полные достоинства поэтические системы, стали индикаторными именами для читателя. Эти авторы растят слово из дословесного, поэтому их произведения целостны и неповторимы. Для меня эти вершинные имена – ушедшие Василий Аксёнов, Алексей Парщиков, Фазиль Искандер, Аркадий Драгомощенко, Елена Шварц, ныне здравствующие Виктор Соснора, Анна Глазова, Владимир Аристов, Ольга Седакова, Бахыт Кенжеев, Михаил Айзенберг,

Александр Скидан, Василий Бородин и другие авторы. Вершинных имён немало, мне их здесь не перечислить. Кто гений – решит время, не мне решать. Таких будет единицы. О вершинных именах и их атрибуции я напишу отдельную статью, в которой поясню, почему считаю те или иные произведения качественными.

Но почему критику всё же не надеть водолазный костюм и не опуститься к заросшему грибок киллю корабля? Хоть один раз. И почистить корабль. Ведь киль уже тянет ко дну.

Я не называла в своей статье имена графоманов. Потому что у них нет имён. Герострату его имя принадлежит не по праву, его надо было забыть. Обстоятельно говорить о творчестве тех или иных минус-величин критику не стоит. Очертить тенденции, не называя имён. И вновь подняться на палубу корабля.

Я ставлю проблему границ литературы, которые перестали быть болезненными. Мы не увидим на сцене Большого театра любительский балет, а в Третьяковке – картинки самодеятельного художника. Почему литература пускает в свои профессиональные пределы графоманов? Почему критика молчит об их засилье? На одной афише с примой-балериной не окажется самодеятельного танцора, а рядом с именем профессионального литератора вполне может красоваться имя его же эпигона.

Моя цель, конечно, отчаянная – призвать литераторов к более высокой планке самокритики, увидеть границы профессионального и самодеятельного в литературе и не переступить их. Другие виды искусства сберегли себя в этом. Давайте и литературе поможем. В помощь нам читатель. В декабре 2017 года со студентами РГГУ провела занятие в формате баскет-метода: перед ними был рассыпан ворох современных стихотворений без фамилий авторов. На свой взгляд и вкус юные критики обозначали каждое из них как «вершинное произведение», «средней руки», «любительский уровень», «минус-величина». Сейчас изучаю. Иногда все 200 ответов одинаковы.

В перспективе интересно проследить, как расходится и переплетается «художественная графомания» со стилизацией (капитан Лебядкин) и пародией (Козьма Прутков) и как стилизованная графомания преобразуется в приём и входит в большую литературу (один из приёмов у обэриутов).